

ОШО 100 миллионов читателей

Свобода

Храбрость быть собой

ОШО КЛЮЧИ
К НОВОЙ ЖИЗНИ

Тысячелетиями человечество мечтает о свободе и борется за нее, творя нелепости и принося в жертву бесчисленное количество людских жизней.

Эта книга для тех, кто хочет обрести истинную свободу: свободу быть собой. Она собрана из бесед, в которых с состраданием и юмором Ошо раскрывает тайны этого путешествия и ведет читателя к пробуждению души.

Ошо

Свобода. Храбрость быть собой

Ключи к новой жизни

Предисловие. Три измерения Свободы

Свобода — это трехмерное явление. Первое ее измерение — физическое. Вы можете быть порабощены физически, и тысячи лет человека продавали на рынке как любой другой товар. Рабство существовало во всем мире. Рабам не предоставлялось человеческих прав; они не были принимаемы как человеческие существа, они не считались в полной мере людьми. И с некоторыми людьми все еще не обращаются как с людьми. В Индии есть шудры, неприкасаемые. Считается, что даже прикосновение к ним делает человека нечистым; тот, кто дотронулся, должен немедленно совершить омовение. Даже прикосновение не к самому человеку, но к его тени — омовение требуется даже тогда. Значительная часть Индии все еще живет в рабстве; по-прежнему есть части страны, где люди не могут получить образования и имеют доступ только к тем профессиям, которые были определены традицией пять тысяч лет назад.

[Читать полный вариант книги](#)

Во всем мире тело женщины не считается равным телу мужчины. Она не так свободна, как мужчина. В Китае много веков муж имел право убить жену, безнаказанно, потому что жена была его собственностью. Точно так же, как вы можете поломать стул или сжечь свой дом — потому что это ваш стул, это ваш дом — а это была ваша жена. В китайском законе не было предусмотрено наказания для мужа, который убил свою жену, потому что она считалась лишенной души. Она была только воспроизводящим механизмом, фабрикой по производству детей.

Таким образом, есть физическое рабство. И есть физическая свобода — ваше тело не заковано в цепи, не относится к низшей категории, и в том, что касается тела, существует равенство. Но даже сегодня такая свобода существует не везде. Рабства становится меньше и меньше, но оно еще не исчезло полностью.

Свобода тела означает, что нет никакого разделения между черными и белыми, нет никакого разделения между мужчиной и женщиной, нет никакого разделения в том, что касается тела. Никто не чист, никто не грязен; все тела — одни и те же.

Это — само основание свободы.

Затем, второе измерение — психологическая свобода. Очень немногие индивидуальности в мире психологически свободны... потому что, если ты — мусульманин, ты не свободен психологически; если ты — индуист, ты не свободен психологически. **Весь наш образ воспитания детей направлен на то, чтобы сделать их рабами — рабами политических идеологий, социальных идеологий, религиозных идеологий. Мы не даем детям ни малейшего шанса думать самим, искать свое собственное видение.** Мы насильно отливаем их умы в заготовленные формы. Мы набиваем их умы хламом — вещами, которых мы сами не пережили. Родители учат детей, что есть Бог, — сами ничего не зная о Боге. Они говорят детям, что есть рай и ад, — сами ничего не зная о рае и аде.

Вы учите детей вещам, которых не знаете сами. Вы просто обуславливаете их умы, потому что ваши собственные умы были обусловлены вашими родителями. Таким образом болезнь продолжает передаваться от одного поколения к другому.

Психологическая свобода будет возможна, когда детям будет позволено расти, когда детям станут помогать расти к большему интеллекту, к большему разуму, к большему сознанию, к большей бдительности. Им не будет внушаться никакого верования. Их не будут учить никакого

рода вере, но будут всеми способами поощрять к поиску истины. И им будут напоминать с самого начала: «Ваша собственная истина, ваша собственная находка освободит вас; ничто другое этого для вас не сделает».

Истину нельзя заимствовать. Ее нельзя изучить по книгам. Никто не может вам ее сообщить. Вам придется самим обострить свой разум, чтобы вы смогли заглянуть в существование и ее найти. Если ребенка оставить открытым, восприимчивым, бдительным и поощрять к поиску, у него будет психологическая свобода. А с психологической свободой приходит огромная ответственность. Вам незачем учить ребенка ответственности; она приходит как тень психологической свободы. И он будет вам благодарен. Обычно же каждый ребенок зол на родителей, потому что они его разрушили: уничтожили его свободу, обусловили его ум. Еще прежде, чем он задал вопросы, его ум наполнили ответами, каждый из которых был подделкой — потому что не основывался на собственном опыте родителей.

Весь мир живет в психологическом рабстве.

И третье измерение свободы есть свобода предельная — состоящая в знании того, что вы — не тело, в знании того, что вы — не ум, в знании того, что вы — лишь чистое сознание. Такое знание приходит путем медитации. Оно отделяет вас от тела, оно отделяет вас от ума, и, в конце концов, вы присутствуете лишь как чистое сознание, как чистая осознанность. Это — духовная свобода.

Вот три основных измерения свободы индивидуальности.

У коллектива нет души, у коллектива нет ума. У коллектива нет даже тела; есть только название. Это только слово. У коллектива никакой необходимости в свободе нет. Когда все индивидуальности свободны, будет свободным и коллектив. Но нас очень впечатляют слова, впечатляют настолько, что мы забываем, что в словах нет ничего вещественного. Коллектив, общество, сообщество, религия, церковь — все это слова. За ними не стоит ничего реального.

Мне это напоминает одну небольшую историю. В сказке «Алиса в Зазеркалье» Алиса оказывается во дворце короля. И король спрашивает ее:

— Не встретила ли ты по пути гонца, направляющегося ко мне?

И маленькая девочка отвечает:

— Мне никто не встретился.

И король думает, что «Никто» — это кто-то, и он спрашивает:

— Но почему же тогда Никто еще сюда не добрался?

Маленькая девочка говорит:

— Сэр, никто значит никто!

И король говорит:

— Не говори глупостей! Я понимаю: Никто и есть Никто, но он должен был прибыть раньше тебя. Кажется, Никто не ходит медленнее тебя.

И Алиса говорит:

— Это абсолютно неправильно! Никто не ходит быстрее меня!

И таким образом этот диалог продолжается. В продолжение всего диалога «никто» становится кем-то, и Алисе невозможно переубедить короля, что «никто» и есть никто.

Коллектив, общество — все это только слова. То, что реально существует, — это индивидуальность; иначе возникает проблема. Что такое свобода для Ротари-клуба? Что такое свобода для Клуба Львов? Все это только названия.

Коллектив — это очень опасная идея. Во имя коллектива индивидуальность, живая реальность, всегда приносится в жертву. Я абсолютно против этого.

Нации приносят индивидуальности в жертву во имя нации; а «нация» — это лишь слово. Линий, которые вы прочертили на карте, на земле нигде нет. Это только ваша игра. Но, сражаясь из-за этих линий, которые вы прочертили на карте, миллионы людей умерли — реальные люди умирают ради нереальных линий. И вы делаете их героями, национальными героями!

Идея коллектива должна быть полностью разрушена; иначе тем или иным образом мы будем продолжать приносить индивидуальность в жертву. Мы жертвовали индивидуальностью во имя религии в религиозных войнах. Мусульманин, гибнущий в религиозной войне, знает, что ему гарантирован рай. Священник ему сказал: «Если ты умираешь за ислам, тебе надежно гарантирован рай, со всеми удовольствиями, которые ты только можешь вообразить и о которых только мог мечтать. И человек, которого ты убил, тоже попадет в рай, потому что он был убит мусульманином. Для него это привилегия, поэтому ты не должен чувствовать себя виноватым за то, что убиваешь человека». У христиан были крестовые походы — джихады, религиозные войны, и они убивали тысячи людей, сжигали человеческие существа заживо. Ради чего? Ради некой коллективности — ради христианства, ради буддизма, ради индуизма, ради коммунизма, ради фашизма; подойдет что угодно. Любого слова, представляющего некую коллективность, достаточно, чтобы можно было принести ради него в жертву индивидуальность.

У коллективности нет даже причины для существования: индивидуальности достаточно. И если у индивидуальностей есть свобода, если они психологически свободны, духовно свободны, тогда, естественно, духовно свободным будет и коллектив.

Коллектив состоит из индивидуальностей, не наоборот. Говорилось, что индивидуальность — это только часть коллектива; это неправда. Индивидуальность — не часть коллектива; коллектив — это только символическое слово, означающее собрание индивидуальностей. Они — не части чего бы то ни было; они остаются независимыми. Они остаются органически независимыми, они не становятся частями коллектива.

Если мы действительно хотим видеть мир свободным, нам придется понять, что во имя коллективности совершилось столько массовых жестокостей, что этому пора прекратиться. Все коллективные названия должны утратить блеск, придаваемый им в прошлом. Индивидуальности должны быть величайшей ценностью.

* * *

Свобода от чего-то — не истинная свобода. Свобода делать то, что вы хотите делать, — тоже не та свобода, о которой я говорю. Мое видение свободы состоит в том, чтобы человек был собой.

Дело не в том, чтобы получить свободу от чего-то. Эта свобода не будет свободой, потому что она все еще вам дана; у нее есть причина. То, от чего вы чувствовали зависимость, все еще присутствует в вашей свободе. Вы этому обязаны. Без этого вы не были бы свободными.

Свобода делать то, что вы хотите делать, — тоже не свобода, потому что желание, стремление что-то «делать» возникает из ума — а ум и есть ваши оковы.

Истинная свобода приходит из невыбирающей осознанности, но, когда есть невыбирающая осознанность, свобода не зависит ни от вещей, ни от того, чтобы что-либо делать. Свобода, которая следует за невыбирающей осознанностью, — это просто свобода быть собой. И ты — уже ты, ты с этим рождаешься; поэтому свобода не зависит ни от чего. Никто не может тебе ее дать, никто не может у тебя ее отнять. Меч может отрубить тебе голову, но не может отрубить твою свободу, твое существо.

Это другой способ сказать, что вы центрированы, укоренены в своем естественном, экзистенциальном существе. Оно не имеет ничего общего ни с чем внешним.

Свобода от вещей зависит от чего-то внешнего. Свобода что-то делать также зависит от внешнего. Свободе быть предельно чистым не приходится зависеть ни от чего вне вас.

Вы рождаетесь свободными. Беда лишь в том, что обусловленность заставила вас об этом забыть. Нити остаются в чьих-то чужих руках. Если ты — христианин, ты остаешься марионеткой. Твои нити находятся в руках Бога, которого не существует, и, следовательно, просто чтобы дать тебе чувство, что Бог существует, нужны пророки, мессии, представляющие Бога.

Они никого не представляют, это просто эгоистические люди — но даже это хочет низвести вас до марионетки. Они будут вам говорить, что вам делать, дадут вам Десять Заповедей. Они дадут вам личность — и каждый из вас будет христианином, иудеем, индуистом, мусульманином. Они дадут вам так называемое знание. И естественно, под тяжким бременем, которое на вас взваливают, начиная с самого детства, — под грузом Гималаев на ваших плечах — под всем скрытым и подавленным остается ваше естественное существо. Если вы сможете избавиться от всех обусловленностей, если вы сможете не считать себя ни коммунистом, ни фашистом, ни христианином, ни мусульманином...

Вы не родились христианином или мусульманином, вы родились чистым, невинным сознанием. Снова быть в этой чистоте, в этой невинности, в этом сознании — вот что я называю свободой.

Свобода — это кульминационный опыт жизни. Нет ничего выше. И в свободе в вас расцветут многие цветы.

Любовь — это цветение вашей свободы. Сострадание — еще одно цветение вашей свободы.

Все, что только есть ценного в жизни, расцветает в вас в невинном, естественном состоянии существа.

Поэтому не связывайте свободу с независимостью. Независимость — это, естественно, независимость от чего-то, от кого-то. Не связывайте свободу с тем, что хотите делать, потому что это — ваш ум, не вы. Желая что-то делать, стремясь что-то делать, вы остаетесь в оковах собственного желания и стремления. В свободе, о которой говорю я, вы просто есть — в полном молчании, безмятежности, красоте, блаженстве.

Понимание Корней Рабства

Чтобы быть тотально свободным, человеку нужно быть тотально осознанным, потому что наши оковы коренятся в нашей бессознательности, они не приходят снаружи. Никто не может сделать вас не свободными. Вас можно уничтожить, но свободу отнять у вас нельзя. Если только вы не отдадите ее сами. При самом глубоком анализе не свободными вас делает всегда именно ваше нежелание быть свободными. Не свободными вас делает именно ваше желание оставаться зависимыми, сбросить с себя ответственность бытия собой.

В то мгновение, как вы принимаете ответственность за себя. И помните этот путь не устлан одними лишь цветами роз, у роз есть и шипы, на этом пути не все сладко, есть и мгновения горечи. Сладость всегда уравновешивается горечью, они всегда остаются в равной пропорции. Розы уравновешиваются шипами, дни — ночами, лета — зимами. Жизнь поддерживает равновесие между полярными противоположностями. Таким образом, человек, который готов принять ответственность бытия собой, со всеми красотами, со всей горечью, со всеми радостями и агонией, может быть свободным. Только такой человек может быть свободным.

Проживите это во всей агонии и во всем экстазе, то и другое — ваше. И всегда помните: экстаз не может жить без агонии, жизнь не может существовать без смерти, и радость не может быть без печали. Такова природа вещей — изменить в этом ничего нельзя. Это сама природа, дао вещей.

Примите ответственность бытия собой, такими как есть, со всем, что в этом есть хорошего и плохого, со всем, что в этом есть красивого и не красивого. В этом принятии происходит выход за пределы, и человек становится свободным.

Представляется, что социальные правила являются основной потребностью человеческих существ. Все же ни одно общество до сих пор не помогло человеку реализовать себя. Не будете ли вы добры объяснить, какого рода отношения существуют между индивидуальностями и обществом, и как они могут помогать друг другу эволюционировать?

Это очень сложный и фундаментальный вопрос. Во всем существовании лишь человек нуждается в правилах. Никакое другое животное не нуждается в правилах.

Вот первое, что нужно понять: в правилах есть нечто искусственное. Причина, по которой человек нуждается в правилах, состоит в том, что он перестал быть животным, но еще не стал человеческим существом; он остается в преддверии. Вот откуда необходимость во всех правилах. Если бы он был животным, необходимости не было бы. Животные прекрасно живут без всяких правил, конституций, законов, судов. Если человек действительно станет человеческим существом — и не только по названию, но и в реальности, — ему не нужны будут никакие правила.

Очень немногие люди до сих пор это понимали. Например, для таких людей, как Сократ, Заратустра, Бодхидхарма, не было необходимости ни в каких правилах. Они достаточно бдительны, чтобы никому не причинять вреда. Им не нужны были ни законы, ни конституции. Если все человечество разовьется до такой степени, чтобы быть подлинно человеческим, в нем будет любовь, но не будет законов.

Проблема в том, что человек нуждается в правилах, законах, правительствах, судах, армиях, силах полиции, потому что он потерял естественное поведение животного, но еще не достиг нового естественного статуса. Он остается в промежутке. Он ни там, ни там; он в хаосе. Чтобы контролировать этот хаос, нужны законы.

Проблема становится еще более сложной, потому что силы, вовлеченные в то, чтобы контролировать человека, — религии, государства, суды — получили столько власти. Им нужно было дать власть; как иначе они смогли бы контролировать людей? И таким образом мы оказались в своего рода добровольном рабстве. Теперь, когда наши учреждения получили власть, развитие человечества не входит в их интересы. Они не хотят, чтобы человек эволюционировал.

Вы спрашиваете, как человек и общество, индивидуальность и общество могут эволюционировать. Вы совершенно не понимаете этой проблемы. Если эволюционирует индивидуальность, общество рассеивается. Общество существует лишь потому, что индивидуальности не позволено эволюционировать. Общественный аппарат веками контролирует человека и наслаждается собственной властью и престижем. Он не готов позволить человеку эволюционировать, позволить человеку дорасти до точки, в которой он и его учреждения станут бесполезными. Множество ситуаций поможет вам это понять.

Это случилось в Китае, двадцать пять веков назад...

Лао-Цзы славился своей мудростью, и он был, без сомнения, мудрейшим из когда-либо живших людей. Император Китая очень скромно попросил его возглавить свой верховный суд, потому что никто не мог учитывать законы страны лучше него. Лао-Цзы попытался разубедить императора: «Я для этого не подхожу», но император настаивал.

Лао-Цзы сказал:

— Если ты не слушаешь меня... Достаточно будет одного дня в суде, чтобы ты

убедился, что я для этого не гожусь, потому что неправильна сама *система*. Из скромности я не говорил тебе правды. Либо могу существовать я, либо — твой закон, порядок и общество. Но... попробуем.

В первый же день в суд привели вора, который украл почти половину сокровищ у самого богатого человека в столице. Лао-Цзы выслушал дело и сказал, что и вор, и этот богатый человек должны на шесть месяцев отправиться в тюрьму.

Богатый человек воскликнул:

— Что ты говоришь? У меня же украли, меня ограбили — что это за справедливость, если ты посылаешь меня в тюрьму на тот же срок, что и вора?

— Я, несомненно, несправедлив к вору, — сказал Лао-Цзы. — Необходимость отправить в тюрьму тебя гораздо больше, потому что ты собрал себе столько денег, отобрал деньги у столько людей... права тысяч людей попорчены, а ты собираешь и собираешь деньги. Для чего? Сама твоя жадность порождает этих воров. Ответствен ты. Первым было твое преступление

Логика Лао-Цзы абсолютно ясна. Если будет слишком много бедных людей и очень мало богатых, нельзя будет остановить воров, нельзя будет прекратить воровство. Единственный способ его прекратить — это устроить общество таким образом, чтобы каждый имел достаточно, чтобы удовлетворить свои потребности, и ни у кого не было ненужных накоплений — просто из жадности. Богатый человек сказал:

— Прежде чем ты отправишь меня в тюрьму, я хочу видеть императора, потому что твое решение не соответствует конституции; оно не соответствует закону этой страны

Лао-Цзы ответил:

— Виноваты конституция и закон этой страны. Я за это не ответствен. Пойди и увидься с императором.

Богатый человек пришел к императору:

— Послушай, этого человека нужно немедленно удалить с его поста; он опасен. Сегодня в тюрьму могу отправиться я, завтра в тюрьме окажешься ты. Если ты хочешь спастись, этого человека нужно изгнать; он представляет огромную опасность. И он очень рационален. То, что он говорит, правильно; я могу это понять — но он уничтожит нас!

Император прекрасно все понял. «Если преступник — этот богатый человек, то самый большой преступник в этой стране — я. Лао-Цзы без колебаний отправит меня в тюрьму».

Лао-Цзы был освобожден от поста.

— Я пытался сказать тебе раньше, — сказал Лао-Цзы, — ты напрасно потратил мое время. Я ведь тебе говорил, что для этого не гожусь. Реальность в том, что твое общество, твой закон, твоя конституция — неправильны. Чтобы управлять этой неправильной системой, тебе понадобятся неправильные люди.

Проблема состоит в том, что силы, которые мы создали, чтобы удержать человека от падения в хаос, теперь получили столько власти, что не хотят оставить вам свободы расти — потому что, если вы способны расти, способны стать индивидуальностью, бдительной, осознанной и сознательной, во всех этих силах не будет надобности. Люди силовых структур потеряют работу, а вместе с работой они потеряют престиж, власть, положение лидера, священника, папы — все это будет отнято. Так те, кто был нужен поначалу для защиты человечества, превратились в его врагов.

Мой подход состоит не в том, чтобы бороться с этими людьми, потому что у них есть власть, у них есть армии, у них есть деньги, у них есть все. Бороться с ними нельзя; боритесь — и вы будете уничтожены. Единственный выход из этого хаоса — безмолвно начать расти в собственном сознании, и этому нельзя помешать никакой силой. Фактически, никто не может даже знать, что происходит внутри вас.

Я предлагаю вам алхимию внутренней трансформации. Измените свое внутреннее существо. И в то мгновение, как вы сами изменены, полностью трансформированы, внезапно вы видите, что свободны от тюремного заключения, что вы больше не раб. Вы были рабом из-за того, что находились в хаосе.

Это случилось во время русской революции...

В тот день, когда революция свершилась, одна женщина в Москве начала ходить по середине дороги. Полицейский сказал:

— Это неправильно. Нельзя ходить по середине дороги.

— Теперь мы свободны, — сказала женщина.

Даже если вы свободны, вам придется следовать определенным правилам дорожного движения, иначе движение станет невозможным. Если люди и машины начнут двигаться, куда им захочется, поворачивать, куда захотят, не обращать никакого внимания на светофоры, просто начнутся несчастные случаи, люди начнут гибнуть. Это создаст необходимость в армии, чтобы насадить закон, что двигаться нужно по правой — или левой, в зависимости от того, как принято в данной стране, — стороне дороги, но никто не должен двигаться посередине. Тогда, под дулом пистолета, вам придется начать следовать правилам. Я всегда помню эту женщину; она очень символична.

Свобода не означает хаос. Свобода приносит больше ответственности, столько ответственности, что никому больше не нужно вмешиваться в вашу жизнь: вас можно предоставить самому себе, правительству не нужно ни во что вмешиваться, полиции не нужно ни во что вмешиваться, закон не имеет с вами ничего общего — вы просто вне этого мира.

Это мой подход: если вы действительно хотите трансформировать человечество, каждая индивидуальность должна начать расти сама по себе. И, фактически, для роста никакой толпы не нужно.

Рост — это нечто подобное тому, как ребенок растет в чреве матери; мать только должна быть осторожна. В вас должен родиться новый человек. Вы должны стать чревом для нового человеческого существа. Никто об этом не узнает, и лучше всего будет, если никто об этом не узнает. Вы просто продолжаете делать свою обычную работу, жить в обычном мире, быть простыми и обычными — не становясь революционерами, реакционерами, панками и скинхэдами. Это не поможет. Это суцая глупость. Я понимаю, что это происходит из-за разочарования, но все равно это паталогично. Паталогично общество, и из-за разочарования паталогичными становитесь вы? Общество не боится паталогичных людей; общество боится только людей, которые стали настолько центрированными, настолько сознательными, что законы стали для них бесполезны. Сознательный человек всегда поступает правильно. Он за пределами хватки так называемых интересов власти.

Если индивидуальности будут расти, роль общества уменьшится. То, что было известно как общество — с его правительством, армией, судами, полицейскими, тюрьмами, — это общество уменьшится. Безусловно, поскольку человеческих существ так много, в существование придут новые формы коллективности. Мне не хотелось бы называть их «обществом», просто чтобы избежать путаницы в словах. Я называю эту новую коллективность «коммуной». Это слово

значительно: оно подразумевает место, где люди не просто живут вместе, но где люди находятся в глубокой сопричастности.^[1]

Жить вместе — это одно; мы это делаем: в каждом городе, в каждой деревне тысячи людей живут сообща — но какая между ними общность? Люди даже не знают своих соседей. Они живут в одном и том же небоскребе, — тысячи людей, — и так никогда и не знают, что живут в одном и том же доме. Это не общность, потому что между ними нет сопричастности. Это просто толпа, не сообщество. Поэтому я хотел бы заменить слово общество словом коммуна.

Общество держится на определенных основополагающих принципах. Вам придется их устранить, иначе общество не исчезнет. Первой и основной ячейкой общества была семья: если семья останется такой же, что и сейчас, общество не сможет исчезнуть, церковь не сможет исчезнуть; религия не сможет исчезнуть. Мы не сможем создать единый мир, единое человечество.

Семья психологически устарела. И она существовала не всегда; были времена, когда семьи не было, и люди жили племенами. Семья начала существовать в связи с возникновением частной собственности. Были люди, у которых было больше власти, и которым удавалось получить больше собственности, чем другим, и они хотели передать это детям. До того времени вопрос о семье не поднимался. Но как только в существование пришла частная собственность, мужчина стал очень собственнически относиться к женщине. Он обратил и женщину в своего рода собственность.

В индийских языках женщина буквально называется «собственностью». В Китае женщина была собственностью до такой степени, что, даже если муж убивал жену, против этого не было никакого закона. Не совершалось никакого преступления — вы абсолютно свободны уничтожить свою собственность. Вы можете сжечь мебель, сжечь дом... это не преступление, это ваш дом. Вы можете убить жену...

С возникновением частной собственности женщина тоже стала частной собственностью, и были изобретены все возможные стратегии, направленные на то, чтобы мужчина мог быть абсолютно уверен, что ребенок, родившийся у его жены, — действительно его ребенок.

Это действительно проблема: отец никогда не может быть абсолютно уверенным; знает только мать. Но отец создавал все возможные преграды к тому, чтобы женщина могла свободно передвигаться, чтобы она могла сталкиваться с другими мужчинами. Все возможности и все двери были закрыты.

Не случайность то, что только старые женщины ходят в ваши церкви и храмы, потому что веками это было единственное место, куда им разрешалось ходить. Женщине можно было ходить в церковь, потому что было прекрасно известно, что церковь защищает семью. Церковь прекрасно знает, что, как только не станет семьи, не станет и церкви. И церковь, конечно, — это последнее место, где могут случиться какие бы то ни было романтические встречи. Против этого были приняты все меры предосторожности. И одна из гарантий — священник должен был быть безбрачным, он безбрачен, он против секса, он против женщин, в разных религиях, в разных формах.

Джайнский монах не может касаться женщины; фактически, женщина не должна приближаться к джайнскому монаху даже на расстояние восемь футов. Буддистскому монаху не разрешается касаться женщины. Есть религии, которые не позволяют женщинам входить в свои религиозные места, или там ставят перегородки, чтобы их отделить. Мужчины занимают главную часть храма или мечети, женщинам отведен небольшой, но отделенный перегородкой уголок. Мужчины не могут даже их видеть; встретить кого-либо невозможно.

Многие религии, например, ислам, закрывали лица своих женщин. Лица мусульманских женщин стали бледными, потому что они никогда не видят солнечного света. Их лица закрыты,

их тела закрыты, как только возможно. Женщина не должна получать образование, потому что образование дает людям всевозможные странные мысли. Люди начинают думать, люди начинают спорить...

Женщине не позволялось иметь оплачиваемую работу, потому что это означает независимость. И таким образом она была отрезана со всех возможных сторон, и по одной простой причине: чтобы мужчина мог быть уверен, что его сын — действительно его сын. Те, у кого было действительно много власти, — например, короли, — кастрировали слуг мужского пола, потому что они жили во дворце, работали и служили другим. Их приходилось кастрировать, иначе была опасность... И опасность была, потому что у каждого императора были сотни жен, многих из которых он никогда не видел. Естественно, они могли влюбиться в кого угодно. Но только кастрированные мужчины допускались во дворец, чтобы, даже если женщины влюблялись, они не могли создавать детей. Это было самое главное.

Семья должна исчезнуть и уступить место коммуне.

Коммуна подразумевает, что люди собирают всю свою Энергию, все деньги, все, что у них есть, в один резервуар, который позаботится о людях. Дети будут принадлежать коммуне, поэтому не будет речи об индивидуальном наследовании. И если сложить в один резервуар всю энергию, все деньги и все ресурсы, каждая коммуна может быть богатой, и каждая коммуна может наслаждаться жизнью в равной мере.

Как только индивидуальности начнут расти, и коммуны станут расти бок о бок, общество исчезнет, и с обществом исчезнут все беды, этим обществом созданные. Я приведу вам один пример.

Только в Китае две тысячи лет назад был совершен революционный шаг. Он состоял в том, что пациент платил доктору, только если оставался здоровым. Если пациент заболел, доктору платить было не нужно. Это кажется очень странным. Мы платим доктору, когда больны, и он снова делает нас здоровыми. Но это опасно, потому что вы делаете доктора зависимым от своих болезней. Болезнь становится его заинтересованностью: чем больше людей болеет, тем больше он может зарабатывать. Он становится заинтересованным не в здоровье, а в болезни. Если все будут оставаться здоровыми, тогда доктор окажется единственным больным!

Китайцы выдвинули революционную, практичную идею того, что каждый человек платит своему доктору, пока остается здоровым. Доктор получает оплату каждый месяц. В обязанности доктора входит поддерживать людей в здоровом состоянии — и естественно, он это делает, потому что ему за это платят. Если человек заболевает, доктор теряет деньги. Когда возникают эпидемии, доктор разоряется.

Прямо сейчас ситуация противоположна. Я слышал одну историю.

Доктор пришел к Мулле Насреддину и сказал:

— Ты мне не заплатил, а я много раз приходил и напоминал тебе, что вылечил твоего ребенка от оспы, но ты не слушаешь.

— Это ты не слушаешь, — сказал Мулла, — но лучше послушай, иначе я обращусь в суд.

— Странно... — сказал доктор. — Я вылечил твоего ребенка.

— Да, я знаю, — сказал Мулла, — но кто распространил эпидемию по всему городу? Мой ребенок! Поэтому все деньги, которые ты на этом заработал, ты должен разделить со мной.

Он был прав. Его ребенок сделал огромную работу, и с того дня доктор никогда больше не приходил просить денег. Довод Муллы был правилен. Доктор хорошо заработал на эпидемии.

Но такая система совершенно неправильна. Коммуна должна платить доктору за то, чтобы он поддерживал в коммуне здоровье, и если кто-то в коммуне заболевает, доход доктора падает. Таким образом, дело доктора — здоровье, не болезнь. И вы можете увидеть различие: на Западе профессия доктора называется «медициной», что связано с болезнью. На Востоке она называется «Аюрведой», что означает «наука жизни» — не болезни. Основным делом доктора должно быть то, чтобы люди жили долго, чтобы люди были здоровыми, целыми, и платить ему нужно именно за это. И каждая коммуна может легко позволить себе иметь доктора, водопроводчика, инженера — все необходимые службы. Ответственность и забота об этом лежит на коммуне, и люди, служащие коммуне, должны сменяться, чтобы снова не возникал силовой центр.

Управляющий комитет коммуны должен постоянно меняться; каждый год должны приходиться новые люди и уходить старые, чтобы ни в ком не выработывалось привыкание к власти. Власть — самый худший из наркотиков, вызывающий в людях привыкание; он должен даваться, но очень небольшими дозами и ненадолго. Пусть индивидуальность растет, и пусть растет коммуна.

Но пока, **забудьте все об обществе; не боритесь с ним. Не имейте ничего общего с обществом; пусть общество продолжается, как есть. Если оно хочет жить, ему придется изменить форму, структуру. Если оно хочет умереть, пусть умирает.** От этого не будет никакого вреда. Мир перенаселен; он нуждается только в одной четвертой своего населения. Поэтому старые прогнившие головы, которые не могут постичь ничего нового, которые абсолютно слепы и не могут видеть, что их действия вредны и ядовиты... если они решат умереть, пусть тихо умрут. Не беспокойте их.

Я не учу вас быть революционерами. Я хочу, чтобы вы были очень безмолвными, почти подпольными преобразователями. Потому что все революции потерпели поражение... теперь единственный возможный способ — сделать все так тихо и мирно, чтобы преобразование могло случиться.

Есть вещи, которые могут случиться только в молчании. Например, если вы любите деревья, вы не должны каждый день выкапывать молодой росток, чтобы посмотреть на его корни; иначе вы его убьете. Корни должны оставаться скрытыми. В молчании они продолжают делать свою работу.

Мои люди должны быть точно как корни: в молчании продолжать делать свою работу, изменять себя, изменять любого, кто в этом заинтересован; распространять методы, которые могут повлечь изменение; создавать небольшие озера, небольшие группы, небольшие коммуны и где только возможно — большие коммуны. Но пусть все это происходит очень безмолвно, не поднимает никакого шума.

Индивидуальность может существовать, только если общество умирает; эти две вещи сосуществовать не могут. Пришло время обществу умереть, и мы найдем новые способы общности, которые не будут формальными, в которых будет больше от сердца. Семья это предотвращает. Семья очерчивает границу вокруг каждого ребенка. Она говорит: «Я — твой отец, поэтому люби меня. Я — твоя мать, поэтому люби меня. Это — твоя семья. Если есть необходимость, пожертвуй собой ради семьи». Та же самая идея проецируется в большем масштабе в виде нации: «Это — твоя нация. Если ты ей нужен, пожертвуй собой». Семья, общество, нация... это одна и та же идея, становящаяся больше и больше.

Поэтому основная моя критика приходится на семью. **Семья — это коренная причина всех наших проблем. Наша бедность, наша болезненность, наше безумие, наша пустота, наша жизнь без любви — семья всему этому причиной.** И семья — причина всей нашей обусловленности. С самого начала она начинает обуславливать ум: «Ты — еврей, ты —

христианин, ты — индуст, ты — то или другое», — а бедный ребенок даже не понимает, что за ерунду вы говорите.

Я слышал о раввине и епископе...

Они жили напротив друг друга и, естественно, постоянно во всем соревновались. Дело шло о престиже религии.

Однажды утром раввин увидел, что у епископа появилась новая машина. Он спросил:

— Что вы делаете?

Епископ поливал водой новую машину. Он сказал:

— Я ее крещу. У меня новая машина — «Кадиллак».

Сердце раввина было разбито. Увидеть своими глазами, напротив собственной парадной двери, как машина обращается в христианство!

На следующий день, когда епископ вышел, он был удивлен. Он спросил раввина:

— Что вы делаете?

Там стоял великолепный «Роллс-Ройс», и раввин обрезал выхлопную трубу.

— Я делаю обрезание моему новому «Роллс-Ройсу». Теперь он еврей!

Именно это делают с каждым ребенком. И каждый ребенок невинен, как «Кадиллак» или «Роллс-Ройс»; он не знает, что с ним делают.

Семья составляет основы всех обусловленностей; она Предаёт вам в наследство все прошлое и весь груз, бремя всех вещей, которые сотни лет доказывали свою ошибочность. Вы обременены этими вещами, и ваш ум закрыт и засорен, и не может воспринять ничего нового, ничего, что ему противоречит. Ваш ум попросту наполни неправильными вещами.

Если дети остаются в руках коммуны... Я экспериментировал и нашел это чрезвычайно успешным. Эти дети счастливее, потому что они более свободны. На них не отпечатывается никакой обусловленности; они раньше становятся зрелыми, и, поскольку никто не пытается сделать их зависимыми, они независимы. Никто не сворачивает с дороги, чтобы им помогать, и им приходится учиться помогать себе самим. Это приносит зрелость, ясность, определенную силу. И все они медитируют. Медитация — это не обусловленность; это значит просто сидеть в молчании, ничего не делая, просто наслаждаясь молчанием — молчанием ночи, молчанием раннего утра., и мало-помалу вы знакомитесь с молчанием, которое пронизывает ваше внутреннее существо. Тогда в то мгновение, когда вы закрываете глаза, вы падаете в водоем молчаливого озера, которое непостижимо. И это молчание в каждое мгновение омолаживает вас.

Из этого молчания приходит ваша любовь, приходит ваша красота, приходит особенная глубина в глазах; особенная аура вашего существа, сила вашей индивидуальности, самоуважение.

Индивидуальная свобода и воля — с одной стороны, авторитаризм и диктатура — с другой, движут человеческой жизнью и ее устремлениями. Пожалуйста, прокомментируйте это.

Это одна и та же проблема, тот же вопрос, по-другому сформулированный. Общество авторитарно; церковь авторитарна; система образования авторитарна. Все они говорят- «Все, что мы говорим, правильно и не подлежит сомнению. Вы просто должны этому следовать».

И есть проблема, например, в системе образования... Я был студентом, был профессором, и я знаю, что в школах, в колледжах, в университетах авторитарные люди разрушают человека в лучшую пору его жизни.

Я был исключен из многих колледжей по той простой причине, что не мог принимать никакого авторитаризма. Я говорил: «Докажите то, что говорите, и я готов принять. Но без доказательства, не получив правильных доводов, не получив рационального обоснования, я не собираюсь этого принимать». По каждому предмету учителя просто читают лекции, поэтому каждый раз я боролся. Студенты конспектируют, потому что все, что нужно делать на экзаменах, это повторять то, что им говорили учителя. И чем лучше ты повторяешь, точно как попугай, тем больше получаешь баллов.

Но эти профессора затруднялись доказать даже самые незначительные вещи, и это вызывало в них смущение. Каждый день возникала проблема. Что бы они ни говорили, я моментально поднимался, — и я задавал дельные вопросы: «На каких основаниях?..»

Например, один из профессоров, преподававший историю религий, объявил, что Веды — священные индуистские писания — были написаны Богом. Мне пришлось встать. Я сказал:

— Я протестую. Прежде всего, вы пока не смогли доказать существования Бога. Во-вторых, теперь вы говорите, что эти книги, которые полны вздора, написаны Богом. Вы когда-нибудь смотрели в эти Веды? — спросил я его. — Вы когда-нибудь их читали от первой страницы до последней?

В Ведах четыре части, четыре больших тома.

— Я принес с собой все четыре тома и могу наугад открывать их и читать, и пусть весь класс решит, мог ли Бог делать такие утверждения.

Веды полны молитв. Бог молиться не может; кому он будет молиться? И эти молитвы о таких глупостях, что просто смехотворно говорить, что они написаны Богом. Один брамин молится: «Я постоянно совершал ритуалы, жил согласно писаниям, а ты все еще не дал мне ребенка. Дай мне ребенка: это будет доказательством того, что мои молитвы услышаны».

Я его спросил:

— Как мог Бог написать этот отрывок? Он написан кем-то, кто обращается к Богу, но его не мог написать сам Бог. И если это ситуация Бога, тогда об этом бедняге не стоит беспокоиться. Бог просит ребенка у кого-то другого, так почему бы и нам не обратиться к тому же источнику? Зачем беспокоиться об этом бедняге?

Их единственным ответом в конце концов было то, что все колледжи отказывались меня принимать. Директор говорил:

— Мы сожалеем. Мы знаем, что ты прав, но мы должны управлять колледжем. Ты разрушишь все это учреждение. Профессора угрожают подать в отставку, студенты говорят, что ты не позволяешь профессорам преподавать, потому что все время тратится на единственный вопрос. Прошло восемь месяцев, и курс невозможно закончить за оставшиеся два, если будет продолжаться то же самое.

Студенты должны сдать экзамены; их не интересует истина, их не интересует соответствие утверждений действительности. Единственная причина, по которой от учатся, — это сертификат. А ты странный парень — кажется, тебя не интересуют сертификаты.

Я сказал:

— Меня не интересуют никакие сертификаты. Что мне делать с сертификатами людей, которые сами ничего не знают? Я не могу представить себе этих людей в качестве моих экзаменаторов. В тот день, когда они дадут мне сертификат, я тут же его порву, на ваших глазах — потому что эти люди не могут ответить на самые простые вопросы.

Но вся система функционирует таким образом. Когда я сам стал профессором, мне пришлось принимать новые меры. Меры состояли в том, что из каждых сорока минут двадцать минут я преподавал ту программу, которая была в учебниках, а в следующие двадцать минут критиковал ее. Мои студенты говорили:

— Мы сойдем с ума!

Я говорил:

— Это ваша проблема — но я не могу оставить эти утверждения без критики. Вы можете выбирать; когда подойдет время экзаменов, вы сможете выбрать, что захотите. Если хотите провалиться на экзамене, выбирайте мою часть. Если хотите сдать экзамен, выберите первую часть. Я хорошо ее объясняю; я никого не обманываю — но я не могу продолжать обманывать вас, уча вас чему-то что считаю абсолютно неправильным.

В конце концов, ректору пришлось меня вызвать, и он мне сказал:

— Это странный метод преподавания. Я каждый день получаю отчеты, что половину времени вы преподаете программу, а половину — выдвигаете собственные аргументы, которые разрушают все, что вы преподаете. И студенты выходят из аудитории такими же пустыми, как и вошли в нее... фактически, в еще большем замешательстве!

Я сказал:

— Меня это не волнует. Что со мной делали все те годы, пока я был студентом? Меня исключали из одного колледжа за другим. И вы можете сами прийти однажды, послушать и убедиться, обхожусь ли я несправедливо с предписанным курсом. Когда я преподаю предписанный курс, я делаю это во всей возможной полноте, объясняю.

Однажды он пришел и послушал, и через двадцать минут сказал:

— Это действительно великолепно. Я тоже был студентом философии, но никто никогда этого мне не говорил таким образом.

Я сказал:

— Это только половина лекции. Просто обождите, потому что я собираюсь все это разрушить до основания, шаг за шагом.

И когда я полностью это разрушил, он сказал:

— Боже мой! Теперь я понимаю, почему бедные студенты пишут мне отчеты. Вы не предназначены для того, чтобы быть профессором в этой структуре образования. Я могу понять, что то, что вы делаете, абсолютно честно, но эта система не создает людей разума; эта система создает только людей с хорошей памятью — и это все, что нужно. Нам нужны служащие, нам нужны бюрократы — а для этих работ разума не требуется, требуется лишь хорошая память.

Я сказал:

— Другими словами, вам нужны компьютеры, не человеческие существа. Если ваша образовательная система такова, рано или поздно вы замените человеческие существа компьютерами, — и именно это происходит. Всюду важные посты заменяют компьютерами, потому что компьютеры надежнее. Они — просто память, не разум.

Человеческое существо обладает определенным разумом, как бы он ни был подавлен.

Человек, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки — если бы это был компьютер, вопроса бы не было: точное время, точное расстояние в милях, и он бросает бомбу и возвращается. Это просто происходит механически. Но человек, сбросивший эту бомбу, как бы вы ни разрушили предварительно его разум, должен был подумать дважды, что он делает. Убить сто миллионов человек, которые абсолютно ни в чем не виноваты, которые не состоят в армии, которые никому не причинили никакого вреда, — правильно ли это?

И повсеместно все ядерное оружие находится в руках компьютеров, не в руках людей. **Компьютеры будут сражаться в третьей мировой войне. Человеческие существа будут гибнуть — это другое дело. Компьютерам все равно, выживут человеческие существа или исчезнут; для них это неважно. Но они сделают точную и эффективную работу, которую не сможет сделать человек.** Человек будет испытывать сомнения, уничтожая все человечество. Нечто от разума, лишь небольшой капли разума достаточно, чтобы создать вопрос: «Что я

делаю?»

Все наши учреждения, наши религии авторитарны. Не отвечая на вопрос «почему», они говорят вам: «Делайте это просто потому, что так написано в книге; потому, что так говорит Иисус». Иисус не привел ни единого аргумента в пользу того, почему нужно делать так, а не иначе; он не дал ни единого рационального обоснования ни для одной из своих доктрин. Как не сделали этого ни Моисей, ни Кришна.

Кришна просто говорит Арджуне:

— Это идет от Бога: ты должен сражаться.

Это и есть авторитаризм. И Бога используют, им манипулируют в каждой ситуации, чтобы поставить все, что бы вы ни говорили, вне обсуждения.

Мы должны разрушить весь авторитаризм в мире.

Авторитет — это совершенно другое. Авторитаризм связан с обществом, с церковью; авторитет — нечто исходящее из индивидуальной реализации.

Если я что-то вам говорю, я говорю это с авторитетом. Это просто значит, что я вынес это из собственного опыта — но это не значит, что вы должны этому верить. Достаточно того, чтобы вы просто это выслушали; теперь вы можете это обдумать, можете решить за или против.

Для меня важно не то, чтобы вы решили в пользу этого; для меня важно то, чтобы вы решали сами. Ваше решение может быть против, неважно — но решение должно приходиться из вашего собственного существа. Если оно не приходит из вашего собственного существа, значит, вы делаете меня авторитарным.

Я говорю, опираясь на собственный авторитет. Пожалуйста, не делайте меня авторитарным, потому что я просто утверждаю факт, с такой силой и с таким огнем, на какие только способен — чтобы он был вам абсолютно ясен, и теперь вы свободны выбирать. Я не решаю за вас, я не прошу вас верить в меня.

Я просто прошу: «Дайте мне небольшой шанс. Подумайте о том, что я вам говорю», — и я буду благодарен, если вы об этом подумали. Этого достаточно. Мышление сделает ваш разум острее... а я доверяю разуму. Если вы мыслите, и ваш разум становится острее, я знаю, что все, что бы вы ни заключили, будет правильно.

И даже если вы однажды придете к неверному заключению, это несущественно. Человек должен падать много раз, чтобы снова подниматься. Так устроена жизнь. Человек должен совершать ошибки и на них учиться, чтобы превратить любую скалу, преграждающую ему Дорогу, в опорный камень.

Но вокруг меня нет речи ни о каком убеждении или Вере. При индивидуальной свободе авторитаризм умирает, и возникает новое явление — авторитет. Каждая индивидуальность способна переживать опыт сама по себе; тогда у обладающего индивидуальностью человека есть авторитет, и он может сказать: «Я это видел. Я этим наслаждался, это танцевал. И нет речи о том, чтобы я цитировал из какого-либо писания, я просто открываю вам свое сердце».

Авторитет принадлежит существованию. Авторитаризм принадлежит кому-то другому, не вам; поэтому он создает рабство, не свободу. А для меня свобода есть предельная ценность, потому что только в свободе вы можете расцвести, и только в свободе вы можете расцвести во всей полноте своего потенциала.

Является ли общество реальным фактом, определенным существованием человека, или это ложная концепция, обусловленность, существующая лишь потому, что человек спит?

Общество не является экзистенциальной реальностью. Оно создано человеком, потому что человек спит, потому что человек находится в хаосе, потому что чело век не способен обладать

свободой, не превращая ее и распушенность. Человек не способен обладать свободой и не злоупотреблять ею. Таким образом, общество искусственное — но необходимое — творение человека.

Поскольку общество искусственно, оно может быть рассеяно. Только потому, что оно было необходимо однажды, оно не становится необходимым вечно. Человек должен изменить условия, сделавшие его необходимым И хорошо, что оно не экзистенциально, иначе не было бы пути от него избавиться.

Это дело наших собственных рук. Мы можем разрушить его в тот день, когда пожелаем.

Как эволюционировать за пределы коллективности, наций, не впадая в варварство разрозненных эго, борющихся друг с другом?

Все ваши вопросы центрированы вокруг одного. Я бы хотел дать вам один ответ.

Мне это напоминает одну притчу...

На берегу моря, на пляже, сидел великий мастер, и к нему пришел человек, который искал истины, коснулся его ног и сказал

— Извини, если я тебя беспокою, но я бы хотел найти истину и готов сделать для этого все, что ты скажешь. Мастер просто закрыл глаза и остался в молчании.

Человек покачал головой. Он сказал про себя:

— Кажется, этот человек сумасшедший. Я задаю ему вопрос, а он закрывает глаза.

Он потряс этого человека и сказал:

— Как же с моим вопросом?

Мастер сказал:

— Я на него ответил. Просто сидя в молчании... ничего не делая, трава растет сама собой. Тебе не нужно об этом беспокоиться — все просто случится. Просто сиди в молчании, наслаждайся молчанием.

Этот человек сказал:

— Не можешь ли ты дать мне название — потому что люди меня спросят, что я делаю.

И мастер написал пальцем на песке: медитация.

Человек сказал:

— Это слишком коротко для ответа. Скажи немного подробнее.

И мастер написал большими буквами: МЕДИТАЦИЯ.

Человек сказал:

— Но это просто большие буквы. Ты пишешь то же самое.

Старый мастер ответил:

— Если я скажу больше, это будет неправильно. Если ты сможешь понять, просто делай то, что я тебе сказал, и ты узнаешь.

Таков же и мой ответ. **Каждая индивидуальность должна стать медитирующим, безмолвным наблюдателем, чтобы человек индивидуальности смог открыть самого себя. И это открытие изменит все вокруг. И если мы сможем с помощью медитации изменить многих людей, то сможем создать новый мир.**

Многие люди во все века надеялись на новый мир, но не имели понятия о том, как его сосать. Я даю вам точную науку того, как его создать. Медитация — вот название этой науки.

Проблема Бога

Вот пророческое высказывание Фридриха Ницше: «Бог умер и человек свободен». Он заглянул в это безмерно глубоко. Очень немногие люди способны понять глубину этого высказывания. Это могильный камень в истории сознания. Если есть Бог, человек никогда не станет свободным — это невозможно. Бог и человеческая свобода не могут сосуществовать, потому что сам смысл Бога состоит в том, что он — создатель; тогда мы низведены до марионеток. И если он может нас создать, то может в любой момент и уничтожить. Он никогда не спрашивал нас, прежде чем создать, — не обязан и спрашивать, прежде чем ему захочется нас уничтожить. Создать или разрушить — сущий его каприз. Как вы можете быть свободными? Вы не свободны даже быть. Даже в рождении вы не свободны, даже в смерти вы не свободны — и, между этими двумя рабствами, думаете ли вы, что свободой может быть ваша жизнь? Чтобы спасти человеческую свободу, Бог должен умереть.

Выбор ясен; нет речи ни о каком компромиссе. С Богом человек будет оставаться рабом, и свобода останется лишь пустым звуком. Лишь без Бога свобода начинает обретать смысл.

Но утверждение Фридриха Ницше — только половина; никто не пытался сделать это утверждение завершенным. Оно кажется завершенным, но видимости не всегда соответствуют истине. Фридрих Ницше не осознавал, что в мире есть религии, в которых нет Бога, — и даже в этих религиях человек не свободен. Он не знал о буддизме, джайнизме, даосизме — самых глубоких религиях. Для этих трех религий Бога нет.

По этой же самой причине Лао-цзы, Махавира и Гаутама Будда отрицали Бога — они видели, что при наличии Бога человек остается лишь марионеткой. Тогда все усилия, направленные к просветлению, бессмысленны; вы не свободны, как вы можете быть просветленным? И есть кто-то всемогущий, всеильный — он может отнять ваше просветление. Он может уничтожить что угодно.

Но Ницше не осознавал, что есть религии, лишённые Бога. Многие тысячи лет существовали люди, которые понимали, что существование Бога представляет величайшую преграду к человеческой свободе — и они удалили Бога. Но человек все еще не свободен.

Я пытаюсь подвести вас к пониманию того, что, **просто умертвив Бога, нельзя сделать человека свободным. Вам придется умертвить еще одно — и это религия.**

Именно поэтому я сказал, что религия тоже должна умереть; она должна последовать за Богом. И мы должны создать такую религиозность, которая лишена как Бога, так и религии, в которой нет никого «сверху», имеющего власть над вами, и никакой организованной религии, чтобы создавать все разновидности клеток — христианских, мусульманских, индуистских, буддистских. Красивые клетки...

Если и Бог, и религия мертвы, еще одно автоматически умирает — и это священничество, вождь, религиозный вождь во всех формах. Теперь у него нет никакой функции. Нет организованной религии, в которой он может быть папой, или шанкарачарьей, или аятоллой. У него нет Бога, которого он мог бы представлять; его Функция окончена.

Будда, Махавира, Лао-цзы отбросили Бога точно таким же образом, что и Фридрих Ницше, — не зная, не осознавая, что, даже если религия остается без Бога, священнику удастся удерживать человека в рабстве. И он удерживает человека в рабстве.

Таким образом, — дополняя прозрение Фридриха Ницше, — должна умереть религия. Если Бога нет, в организованной религии нет никакого смысла. Ради кого будет существовать организованная религия? Церкви, храмы, мечети, синагоги должны будут исчезнуть. И при этом раввины, епископы и все разновидности религиозных вождей просто оказываются без работы,

становятся бесполезными. Но происходит великая революция: человек становится полностью свободным.

Прежде чем я смогу говорить обо всех сопряженных смыслах этой свободы, вам придется понять: если прозрение Фридриха Ницше полно, что за свобода тогда доступна человеческим существам? Бог умер, человек свободен. Но свободен для чего? Его свобода будет просто такой же свободой, что и свобода любого другого животного.

Называть это свободой было бы неправильно — это вседозволенность. Это не свобода, потому что она не несет никакой ответственности, никакого сознания. Она не поможет человеку подняться вверх, стать чем-то высшим по сравнению с ним же в рабстве. Если свобода не делает вас высшим в сравнении с вами в рабстве, она бессмысленна. Возможно даже, что ваша свобода сделает вас низшим, чем рабство, потому что в рабстве была определенная дисциплина, в нем была определенная мораль, в нем были определенные принципы. В нем была определенная организованная религия, чтобы присматривать за вами, чтобы удерживать вас в страхе наказания ада, удерживать вас в жадности и стремлении к наградам в раю, чтобы удерживать вас немного выше диких животных, у которых свобода есть, но эта свобода не сделала их высшими существами. Она не дала им никаких качеств, которыми вы могли бы восхищаться.

Ницше не имел никакого представления о том, что только дать свободу недостаточно... и не только недостаточно, но и опасно. Это может низвести человека до животного. Стремясь к свободе, он может сбиться с пути к высшим состояниям сознания.

Когда я говорю, что Бог умер, религия как организованная сущность умерла... тогда человек свободен быть собой. Впервые человек свободен исследовать свое глубочайшее внутреннее существо без всяких преград. Он свободен нырять в глубины своего существа, подниматься к высотам своего сознания. Нет никого, чтобы преградить ему путь, его свобода тотальна. Но эта свобода возможна только с уходом из существования Бога, с уходом из существования религии, с уходом из существования священничества, с уходом из существования института религиозного вождя — мы сможем сохранить нечто, что я называю качеством религиозности; чтобы осталась живой только религиозность. Религиозность всецело гармонирует с человеческой свободой; она усиливает человеческий рост.

Под «религиозностью» я подразумеваю, что человек, таким как он есть, недостаточен. Он может быть большим, он может быть безмерно большим. Кем бы он ни был, это только семя. Он не знает, какой в себе несет потенциал

Религиозность просто означает вызов расти, брошенный семени вызов прийти к кульминационной вершине выражения, расцвести тысячами цветов и источать скрытый в нем аромат. Этот аромат я называю религиозностью. Она не имеет ничего общего с вашими так называемыми религиями, она не имеет ничего общего с Богом, она не имеет ничего общего со священничеством; она связана с вами и вашими возможностями роста.

(Ошо «Бог умер, теперь — Дзэн»)

[Читать полный вариант книги](#)